

В серии «Мировые шедевры. Иллюстрированное издание»

Джек Лондон
Белый клык

Оскар Уайльд
Портрет Дориана Грея

Жюль Верн
Вокруг света за 80 дней

Михаил Булгаков
Мастер и Маргарита

Александр Пушкин
Евгений Онегин. Капитанская дочка

Эрих Мария Ремарк
На Западном фронте без перемен

Николай Гоголь
«Ревизор» и лучшие повести

Уильям Шекспир
Ромео и Джульетта. Гамлет

Артур Конан Дойл
Шерлок Холмс. Лучшие повести и рассказы

Артур Конан Дойл

Шерлок Холмс
Лучшие повести и рассказы

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Д62

Серия «Мировые шедевры. Иллюстрированное издание»
Переводы с англ. *И. Дорониной, М. Литвиновой,*
М. и Н. Чуковских, Н. Войтинской
Вступительная статья и комментарии *Нины Щербак*
Иллюстрации *Марины Павловой*
Оформление обложки *Юлии Межовой*

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Дойл, Артур Конан

Д62 Шерлок Холмс. Лучшие повести и рассказы / А. К. Дойл; коммент. и вступ. ст. Н. Щербак. — Москва: АСТ, 2015. — 426, [3] с. — (Мировые шедевры. Иллюстрированное издание).

ISBN 978-5-17-088169-7

Артур Конан Дойл был не первый, кто писал истории о раскрытии преступлений, и не последний. Но он — лучший. Считается, что детектив — это своего рода эпос, миф, создающийся по определенным законам. Почему же миф о Шерлоке Холмсе стал таким популярным?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

© Перевод. И. Доронина, 2015
© Перевод. М. Литвинова, 2015
© Перевод. М. и Н. Чуковские, наследники, 2015
© Перевод. Н. Войтинская, наследники, 2015
© Н. Щербак, вступ. ст. и коммент., 2015
© М. Павлова, илл., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

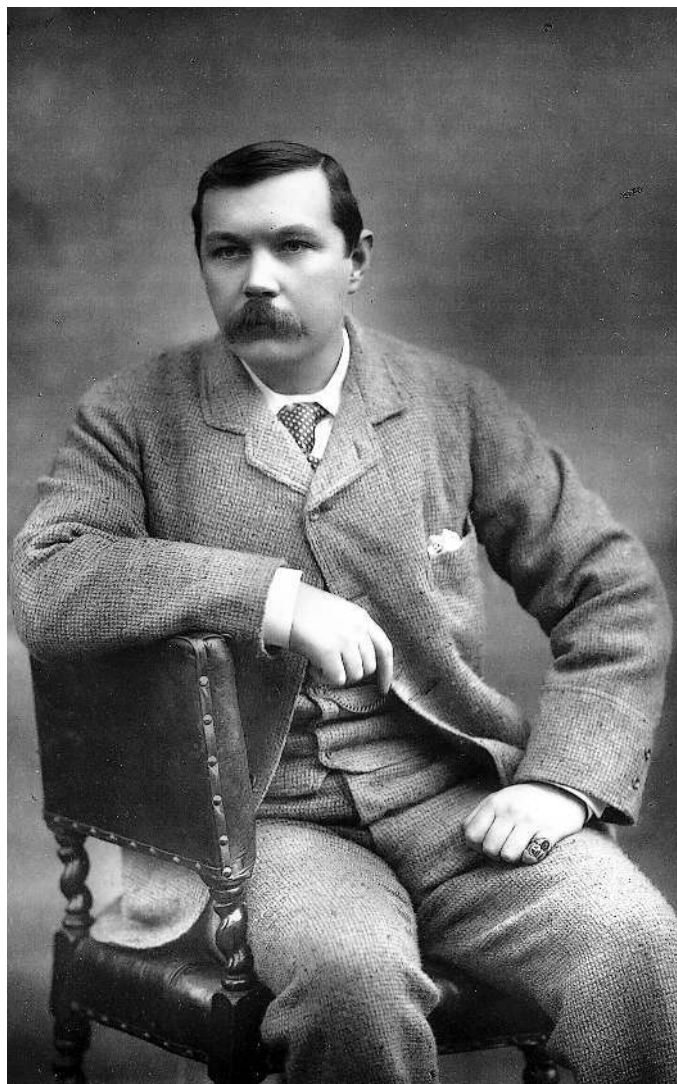
Артур Конан Дойл

Секреты Шерлока Холмса

О Шерлоке Холмсе и докторе Уотсоне писали многие исследователи. Большинство из них склоняются к мысли, что детективное произведение — это своего рода эпос, миф, который строится по определенным законам. Вопрос, который до сих пор остается открытым, — почему именно миф о Шерлоке Холмсе стал таким популярным? Популярным, стоит оговориться, скорее среди читателей, чем среди писателей. Шерлок Холмс — малосимпатичен, если рассматривать его объективно. Во-первых, он умен! Герои, которые действительно становятся любимыми, обычно либо простаки, либо несчастные жертвы, либо злодеи. Холмс к тому же еще и ужасно противный. «Счастье лондонцев, что я не преступник», — зловеще говорит он. Кроме того, главный герой Дойла тонкая художественная натура, эстет, курящий опиум. Если приглядеться к Холмсу поближе, то станет ясно, что он, в некотором смысле, свободный художник, декадент, одинокий странник. Однако едва ли можно найти в литературе того времени героя, который был бы симпатичен именно этим. Таким образом, столь популярен, скорее, не сам главный герой, а запоминающийся и противоречивый миф о нем, та аура, которая окутывает историю о расследованиях замечательного сыщика. Многие писатели-современники Дойла (с некоторыми из них он был знаком лично) говорили о Шерлоке Холмсе весьма неоднозначно. Английский писатель Сомерсет Моэм как-то обмолвился: «Я перечел все сборники рассказов Дойла и нашел их на удивление убогими». А вот Владимир Набоков (критиковавший практически всех великих писателей) был весьма благосклонен и даже нежен к Дойлу, правда, делал оговорку, что очарование книги со временем тускнеет, «детское — детям».

Весьма удивительная особенность историй о Шерлоке Холмсе — топонимика его рассказов. Дойл воссоздает реалии Викторианской эпохи, очень важной и для британской истории, и для английской литературы. Конец XIX века — время, когда Великобритания владела практически третью суши. В колониях активно строились железные дороги, внедрялись паровые турбины, прочие изобретения века. Но время правления королевы Виктории также ассоциируется с «двойными стандартами», определенным лицемерием, царившим в обществе. Конец XIX века — это не только эпоха прогресса и пик колониальной империи, но и расцвет преступности, тяжелое положение рабочих, огромное количество нищих и бездомных, живших в ночлежках и едва сводивших концы с концами. А культивирование благопристойности и семейных ценностей сопровождалось резким ростом проституции. Парламент даже, правда чуть позже описанного у Дойла времени, выпустит закон, требующий медицинских проверок проституток и бесплатной помощи им, чтобы спасти население от инфекционных и других заболеваний. Лондон того времени — это столица самого сильного государства в мире. Неслучайно бытует шутка о том, что у французов навсегда остался «комплекс революции», а вот у англичан — «комплекс империи». (Дойл, кстати, весьма иронично относился к подобной гордости за свою страну. Когда в октябре 1897 года пышно праздновался бриллиантовый юбилей правления королевы Виктории, а затем не менее пышно отмечалась другая дата — день победы Нельсона в Трафальгарской битве, ему этот экстаз совершенно не нравился. В ряде статей в «Таймс» он предлагал чествовать великого адмирала в его день рождения, а не в тот день, который ассоциируется с унижением Франции.)

В то же самое время Лондон той эпохи — это клоака, город контрастов, где уживаются англичане, ирландцы, индийцы, китайцы, африканцы, а роскошь соседствует с нищетой. Вот в такую эпоху и появляется декадент Шерлок Холмс (Дойл, кстати, несколько раз встречался с Оскаром Уальдом — лидером британского декадентства). В то время декадентство — это своеобразный бунт против викторианского образа жизни, некоторая эстетическая независимость и даже жизненная позиция. Шерлок

А. К. Дойл в 1893 г.

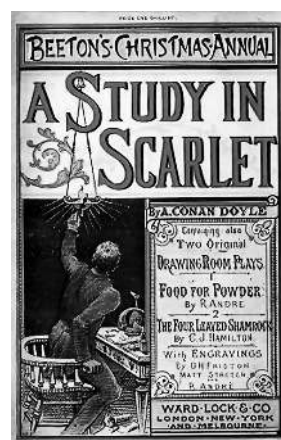
Холмс в чем-то антисоциален. Он независим даже от полиции и наслаждается собственным дедуктивным методом, который для него подобен «искусству ради искусства». И, несмотря на то что он действительно помогает людям, мотивы его действий скорее определяются артистическими наклонностями и собственными интересами. Ему очень нравится заниматься любимым делом, и он осуществляет свои расследования как настоящий художник или музыкант, который не может жить без собственного ремесла и совершенно не ждет даже благодарности за свои деяния. Литературоведы неоднократно отмечали оригинальность Дойла в создании «Великой пары». Доктор Уотсон и правда напоминает автора, который тоже был медиком: работал помощником врача, затем судебным врачом, занимался самостоятельной врачебной практикой. Впрочем, фигура Уотсона более самокритичная, в чем-то он намного практичнее Холмса. Этот герой выбран, скорее, как наблюдатель за повествованием, что, кстати, очень хорошо характеризует литературные тенденции того времени, когда писатели что-то описывали, а вели повествование с позиций рассказчика — конкретного человека, чье мнение весьма субъективно.

Тайна популярности Шерлока Холмса и доктора Уотсона, конечно, не только в описании конкретной эпохи и их расследований, а собственно в том, что оба героя — колоритные англичане! Живущая на острове, немного странная своей гордостью и скованностью, эта нация всегда была привлекательна для читателя. Как привлекателен уютный камин, у которого вечно сидит Холмс со своей трубкой. Это своеобразное убежище, приют, который герои вне эпохи и времени отождествляют с далекой Англией, где вечно плохая погода, идет дождь, но зато люди сохраняют хладнокровие в любых обстоятельствах, вечно шутят, пуская в ход свой «пресловутый» английский юмор, несмотря на все жизненные трудности и неоднозначные ситуации. Способность делать рекламу своей собственной стране косвенно, не в прямую, — тоже особенность Великобритании. Неслучайно там всегда работала самая хорошая разведка, процветала внешняя политика и, собственно, родился самый известный в мире сыщик!

Нина Щербак

Этюд в багровых тонах*

Перевод И. Дорониной

«Этюд в багровых тонах» в журнале «Beeton's Christmas Annual». 1887 г.

«Этюд в багровые тонах». Первое отдельное издание. 1888 г.

Этюд в багровых тонах (*A Study in Scarlet*). Первоначальное рабочее название «Запутанный клубок» (*The Tangled Skein*). Именно с этой повести Дойл становится известен как писатель детективов и воспринимается чуть ли не основателем этого жанра. Но на момент создания «Этюда в багровых тонах» уже было опубликовано множество детективных историй. Их писали Чарльз Диккенс, Уилки Коллинз и др. Сам Дойл называет только двоих писателей, на чье творчество он опирался: Эдгар По и Эмиль Габорно.

Часть первая

Воспоминания Джона Х. Уотсона, доктора медицины, отставного военного врача

Королевский госпиталь
Нетли

1. Мистер Шерлок Холмс

В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Нетли* для прохождения курса полевой хирургии. По окончании занятий, в положенный срок, я

«В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Нетли...» Нетли (Netley) — королевский военный госпиталь, расположенный неподалеку от Саутгемптона. Во время Крымской войны (1854—1856) стало очевидно, что антисанитарное состояние больниц в Великобритании может привести к катастрофе. В 1856 году по предложению королевы Виктории, которая «заложила первый камень будущего здания», началось строительство нового госпиталя. Дизайн активно обсуждался в прессе, в частности премьер-министром Великобритании лордом Палмерстоном, который в какой-то момент считал, что «планировка здания не способствует тому, чтобы будущий госпиталь служил нуждам пациентам, а сооружается как памятник тщеславию архитектора». Тем не менее здание было возведено, полностью отвечало архитектурным нормам и соответствовало своему предназначению.

Посещение
королевой
Викторией
госпиталя
Нетли

Офицер и солдаты
Пятого Нортумберлендского
стрелкового полка

«...я был приписан в качестве ассистента хирурга к Пятому Нортумберлендскому стрелковому полку». Ныне Королевский нортумберлендский стрелковый полк. Участвовал практически во всех войнах, что вела Великобритания с конца XVII века: в войне против яковитов в Ирландии (1690—1691), в войне за испанское наследство (1707—1713), в англо-испанской войне (1727), в Семилетней войне (1756—1763), в американской Войне за независимость (1775—1783). В 1778 году полк был отправлен из Америки в Индию, где противостоял французским войскам. Вернувшись в Европу, в начале XIX века полк участвовал в действиях против наполеоновских войск на Пиренейском полуострове и за свои боевые заслуги получил прозвища *Старые и смелые*, *Сражающаяся пятерка*, *Охранники лорда Веллингтона*. В 1857 году полк участвовал в подавлении индийского восстания, а в 1878—1880 годах — во Второй англо-афганской войне, на которую и попал доктор Уотсон.

был приписан в качестве ассистента хирурга к Пятому Нортумберлендскому стрелковому полку*. Мой полк в то время стоял в Индии, и, прежде чем я прибыл на место службы, началась Вторая афганская кампания*. Высадившись в Бомбее, я узнал, что моя часть, преодолев перевалы, уже продвинулась далеко в глубь территории противника. Вместе со многими другими офицерами, оказавшимися в такой же ситуации, я отправился вдогонку и, благополучно добравшись до Кандагара, нашел свой полк и сразу же приступил к исполнению новых обязанностей.

Многим эта кампания принесла славу и продвижение по службе, но для меня обернулась сплошными неудачами и бедствиями. Переведенный из своего полка в Беркширский, я участвовал в роковой битве при

«Мой полк в то время стоял в Индии, и, прежде чем я прибыл на место службы, началась Вторая афганская кампания». Вторая афганская кампания — колониальная война Великобритании с целью установления контроля над Афганистаном (1878—1880). Лояльный британцам Якуб-хан уступил им часть своей территории и допустил в Кабул английского резидента, сэра Луи Каваньяри. Через несколько месяцев резидент был убит вместе со своей свитой, а Якуб-хан отрекся от престола и бежал в Индию. Британцы вторглись в Афганистан и заняли Кабул и Кандагар. Но с конца 1879 года в стране разрослось народное восстание, в котором приняли участие до 100 тыс. человек, а лидер восставших Абдур-Рахман нашел поддержку у России. В ходе переговоров он добился от британцев признания его правителем страны. 22 июля 1880 года князя Восточного и Среднего Афганистана провозгласили Абдур-Рахмана новым эмиром. Установив в Кабуле новое правительство, британцы покинули страну.

Якуб-хан и Пьер Луи Каваньяри во время подписания договора
26 мая 1879 г.

Р. К. Удвиль.
92-й Шотландский полк в Кандагаре

Бегство Королевской конной артиллерии в битве под Мейвандом

«Переведенный из своего полка в Беркширский, я участвовал в роковой битве при Мейванде».

Битва при Мейванде — одно из главных сражений второй англо-афганской войны, состоявшееся 27 июля 1880 года. Британские войска были наголову разбиты. Из 2476 британцев, принявших участие в сражении, было убито 969 человек (среди них 21 офицер) и ранено 177 (включая 8 офицеров). Потери афганцев, однако, были несравненно больше — от 2050 до 2750 воинов, что сказалось на будущем ходе кампании. Битва при Мейванде оставила заметный след в британской культуре: например Редьярд Киплинг позже включил стихотворение о ней в свои «Казарменные баллады».

Мейванде*. Там был ранен в плечо джезайльской пулей*, которая раздробила мне кость и задела подключичную артерию. Я непременно попал бы в руки кровожадных гази*, если бы не преданность и храбрость моего ординарца Мюррея: он взвалил меня на вьючную лошадь и благополучно доставил на британские позиции.

Измученного болью и ослабленного долгими лишениями, которые выпали на мою долю, меня с полным обозом других раненых отвезли в главный госпиталь, располагавшийся в Пешаваре*. Там я оправился от ранения и окреп настолько, что уже ходил по палате и даже понемногу заго-

Афганские гази

«Я непременно попал бы в руки кровожадных гази...» *Гази* (от араб. *газа* — воевать) — воин-доброволец, защитник веры, правды и справедливости. Появился в эпоху арабской экспансии: так называли тех, кто на свой страх и риск нападал на поселения неверных (в первую очередь, римско-византийских и персидских захватчиков). Но со временем так себя стали называть почти все без исключения повстанцы, в том числе и те, кто боролся против единоверцев.

«...главный госпиталь, располагавшийся в Пешаваре».

Пешавар — ныне административный центр пакистанской провинции Хайбер-Пахтунхва, а в конце XIX века входил в Британскую Индию. Благодаря множеству парков и садов Пешавар называли «городом цветов».

У. Капентер. Пешавар

Джезайльские пули

Джезайль

«Там был ранен в плечо джезайльской пулей...» *Джезайль* — самодельное ружье, в свое время широко распространенное в Средней и Южной Азии. В отличие от стандартных короткоствольных, унифицированных европейских мушкетов длинноствольный джезайль ручной работы, часто богато украшенный, был уникален. Но стреляли из него ржавым ломом и гвоздями, наносившими глубокие и рваные раны.

Шиллинг с изображением королевы Виктории. 1887 г.

«...насколько может быть свободен человек, получающий одиннадцать шиллингов и шесть пенсов в день». Шиллинг (*shilling*) — общее название европейских монет, произошедшее от *солида* — римской золотой монеты. В Англии долгое время был лишь денежно-счетной единицей (до нормандского вторжения равнялся 5 пенсам, после него и вплоть до 1971 года — 12 пенсам; 20 шиллингов равнялись 1 фунту стерлингов). Но как монета стал чеканиться лишь в 1502 году в правление Генриха VII. В конце XIX века 11 шиллинг в день — средняя сумма, впрочем немалая. За один шиллинг на городском базаре можно было купить самое дорогое кушанье того времени — ананас! Пузырек с лекарством стоил полтора шиллинга. А торговцы на рынке, как свидетелиствуют, получали «баснословные деньги», а именно 20—30 шиллингов в день! Одно время Доил подрабатывал помощником врача в Бирмингеме, и некий доктор Хор, как свидетельствуют биографы, ему неплохо платил — два фунта в месяц, т. е. 40 шиллингов. На большее студент-медик, еще пока недоучка, претендовать и не мог. Но Доил смог за полгода скопить неплохую сумму — практика, которой следует каждый британец: главное не уровень дохода, а умение экономить!
Пенни (penny), иногда *пенс (pence)* (во мн. ч. *пенсы (pence)*) для начисления суммы, *пенни (pennies)* для нескольких монет) — английская монета, чеканившаяся с XI века из серебра, меди, бронзы, а также разменная монета современного Соединенного Королевства, составляет сотую долю фунта стерлингов.

рал на веранде, но тут меня внезапно сразил брюшной тиф — это вечное проклятие наших индийских владений. Несколько месяцев жизнь моя висела на волоске, а когда я наконец пришел в себя и начал выздоравливать, то оказался так слаб и истощен, что консилиум врачей решил, не медля ни дня, отправить меня в Англию. Меня доставили на транспортное судно «Оронт» и месяц спустя высадили в Портсмуте с непоправимо разрушенным здоровьем. Впрочем, отечески заботливое правительство разрешило мне использовать следующие девять месяцев на то, чтобы попытаться поправить его.

В Англии я не имел ни друзей, ни родственников, поэтому был свободен как ветер — по крайней мере настолько, насколько может быть свободен человек, получающий одиннадцать шиллингов и шесть пенсов в день*. В подобных обстоятельствах меня, естественно, потянуло в Лондон, в этот отстойник, куда непреодолимо стекаются все празднующиеся бездельники империи*. Там я жил некоторое время в частной гостинице на Стрэнде, ведя тоскливое и бессмысленное существование и тратя имевшиеся у меня деньги весьма беспечно. Вскоре мое финансовое положение стало ужасающим, и я понял, что должен либо покинуть столицу и удалиться в деревню, либо совершенно изменить образ жизни. Сделав выбор в пользу последнего, я начал раздумывать над тем, чтобы съехать из гостиницы и поселиться в каком-нибудь менее фешенебельном и дорогом жилище.

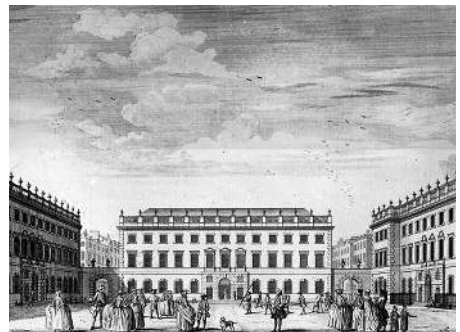
В тот самый день, когда я пришел к этому решению, в «Крайтири-он-баре» кто-то похлопал меня по плечу, и, обернувшись, я узнал молодого Стэмфорда, некогда работавшего у меня фельдшером в госпитале «Барте»*. Одинокому человеку всегда приятно увидеть дружеское лицо в необозримой пустыне Лондона. В прежние времена мы со

Лондон. Конец XIX в.

«В подобных обстоятельствах меня, естественно, потянуло в Лондон, в этот отстойник, куда непреодолимо стекаются все празднующиеся бездельники империи». За XIX век Лондон стал крупнейшим городом мира. Его население в 1800 году составляло 1 млн, а веком позже — 6,7 млн. За это время Лондон стал всемирной политической, торговой и финансовой столицей. *Отстойником* город назван поскольку, несмотря на то что здесь строились фешенебельные районы, Лондон XIX века был городом нищеты, где миллионы людей

жили в переполненных и антисанитарных трущобах. Как столица империи Лондон привлекал иммигрантов из колоний и бедных европейских стран. В Викторианскую эпоху сюда переселилось довольно большое количество ирландцев, большинство из которых бежали из своей страны во время Великого голода 1845—1849 годов. Одно время ирландцы даже составляли 20% от населения Лондона. В Лондоне находилась крупная еврейская община, а также несколько тогда еще маленьких китайских и южноазиатских общин.

Королевский госпиталь Святого Варфоломея. 1752 г.

Палата в Барте. Конец XIX в.

«...некогда работавшего у меня фельдшером в госпитале „Барте“». *Барт (Bart's)* — Королевский госпиталь Святого Варфоломея. Расположен в районе Лондона Сити и был основан в 1123 году, один из старейших госпиталей в Европе и старейший в Англии. После введения англиканства, когда монастыри в Великобритании закрывались, был заново основан Генрихом VIII в декабре 1546 года с передачей его городским властям. Пережил Великий лондонский пожар. В XVIII—XIX веках в госпитале начали применять новые методы хирургии, однако смертность все еще была очень высокой, основной причиной были туберкулез, а также травмы и заражения, полученные во время операций. К 1872 году в госпитале было 676 коек, около 6 тыс. пациентов лечились здесь ежегодно, а 101 тыс. — амбулаторно.

«...куда мы и отправились в извозчицкой пролетке». У Доила *hansom* (*хэнсом*) — однолошадный одноосный экипаж, в котором кучер сидит сзади и сверху. Назван по имени Джозефа Хэнсома, йоркского архитектора, запатентовавшего конструкцию в 1834 году. Изначально назывался *безопасный кэб Хэнсома* — ибо из-за низкого центра тяжести сочетал скорость и безопасность при поворотах. Хэнсом очень быстро стал популярен, и не только в Великобритании, но и в континентальной Европе, а также за океаном. В XIX веке он стал таким же символом Лондона, как спустя сто лет двухэтажные автобусы.

Хэнсом

Стэмфордом не были закадычными друзьями, но теперь я приветствовал его с бурным восторгом, и он тоже, казалось, искренне обрадовался встрече. В порыве чувств я пригласил его пообедать со мной в ресторане «Холборн», куда мы и отправились в извозчицкой пролетке.

— Что, черт возьми, происходило с вами все это время, Уотсон? — спросил он с нескрываемым изумлением, пока мы тряслись по запруженным людям лондонским улицам. — Вы тощий, как жердь, и коричневый, как орех.

Я кратко поведал ему о своих приключениях, и едва успел закончить рассказ, как мы прибыли к месту назначения.

— Бедолага! — посочувствовал Стэмфорд, выслушав сагу о моих несчастьях. — И чем же вы занимаетесь теперь?

— Ищу жильё. Пытаюсь решить проблему:

можно ли найти удобную квартиру за разумную цену?

— Как странно, — заметил мой спутник, — за сегодняшний день вы второй человек, от которого я слышу это выражение.

— А кто был первым? — поинтересовался я.

— Один мой приятель, работающий в химической лаборатории госпиталя. Он присмотрел славную квартиру и сегодня утром жаловался, что не может найти партнера, чтобы снять ее на двоих, — ему одному она не по карману.

— Вот это удача! — воскликнул я. — Если ему действительно нужен компаньон, чтобы разде-

лить жилье и плату за него, я для него как раз то, что нужно. Я определенно предпочел бы иметь сотоварища, чем прозябать в одиночестве.

Молодой Стэмфорд посмотрел на меня поверх бокала немного странным взглядом.

— Вы ведь пока не знакомы с Шерлоком Холмсом*, — сказал он. — Возможно, он и не подойдет вам в качестве постоянного компаньона.

— Почему? С ним что-то не так?

— О нет. Просто он слегка чудаковат — энтузиаст в некоей отрасли знания, но, судя по всему, человек вполне порядочный.

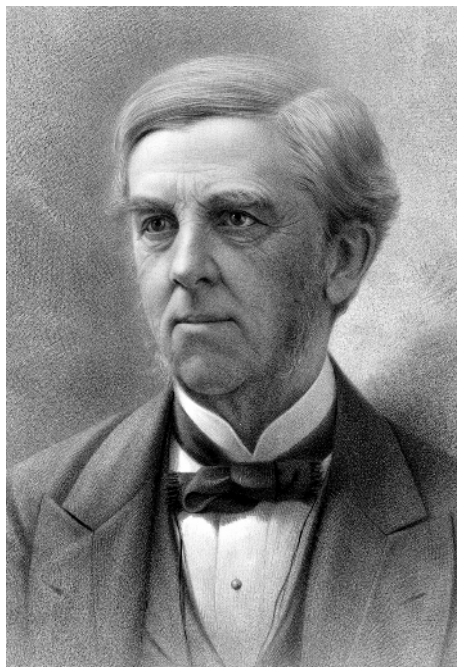
— Он, наверное, изучает медицину? — предположил я.

— Нет. Я понятия не имею, что именно изучает Холмс. Кажется, он преуспел в анатомии и перво-классный химик, но, насколько мне известно, систематически медициной никогда не занимался. Его занятия очень бессистемны и необычны, но благодаря им Холмс накопил такое количество побочных знаний, что поразил бы любых профессоров.

— И вы никогда не спрашивали у него, чем конкретно он занимается? — удивился я.

— Нет. Холмс не из тех, кого легко разговорить, хотя бывает весьма словоохотлив, когда им овладевает некая фантазия.

— Я хотел бы с ним познакомиться. Если уж делить с кем-нибудь жилье, я предпочел бы человека со спокойными привычками и преданного науке. Для шума и острых ощущений я еще недостаточно окреп. Всего этого я столько испытал в Афганистане, что хватит до конца моего земного

Оливер Уэлделл Холмс-старший. Около 1879 г.

«Вы ведь пока не знакомы с Шерлоком Холмсом...» Имя Шерлок Холмс было дано не сразу. Сперва возникла фамилия Холмс. Ее писатель дал своему герою в честь американца Оливера Уэлделла Холмса-старшего, врача, историка медицины (он первым понял, как нужно бороться с родильной горячкой, и придумал термин *анестезия*), а также поэта, прозаика, блестящего оратора, великолепного педагога, хорошо известного в тогдашнем бостонском обществе. Имя Шерлок — ирландское (в честь соученика Дойла Патрика Шерлока), в ранних черновиках автор называл Холмса английским именем Шеррингфорд. Впрочем, крикетисты убеждены, что это имя герой получил в честь знаменитого игрока в крикет Франка Шерлока. Некоторые холмсоведы утверждают, что Шерлок Холмс родился в 1854 году, а действие первого произведения с ним, «Этюд в багровых тонах», они относят к 1881 году, когда Шерлоку Холмсу было 27 лет, как и Дойлу в период написания этой книги.